

SỰ CHUYỂN DỊCH TƯ TƯỞNG CỦA RASKOLNIKOV TRONG CÁC BẢN DỊCH TIẾNG VIỆT

Ermilova G.G.^{*}, Nguyễn Thị Hoàn^{**}

Bài báo nghiên cứu tư tưởng của nhân vật chính Rodion Raskolnikov trong tiểu thuyết “Tội ác và hình phạt” của Dostoevsky qua các bản dịch sang tiếng Việt. Tư tưởng của Raskolnikov là một trong những nguyên nhân chính đẩy nhân vật – một người có bản chất tốt – vào một tội ác khủng khiếp, làm đổ máu “theo lương tâm”. Trên cơ sở trích dẫn liên tiếp những ví dụ, chúng tôi tiến hành đối chiếu ba bản dịch của ba dịch giả khác nhau với nguyên tác, đồng thời đưa ra những phân tích, đánh giá về việc chuyển dịch tư tưởng của Rodion Raskolnikov trong các bản dịch. Từ đó tác giả bài báo rút ra những kết luận về đóng góp của các dịch giả cũng như khó khăn mà họ gặp phải trong khi truyền tải “tư tưởng của Raskolnikov” trong tiểu thuyết “Tội ác và hình phạt”.

Từ khóa: *F.M. Dostoevsky, Tội ác và hình phạt, tư tưởng, anh hùng-tư tưởng, sự tương đương, dịch thuật, giao thoa văn hoá, tôn giáo.*

The article studies the thoughts of Rodion Raskolnikov – the protagonist in Dostoevsky’s novel named “Crime and punishment” in various Vietnamese translations. It is the thoughts of Rodion Raskolnikov that forces the protagonist – a man of good nature to commit a serious conscience-related crime. On the basis of citing examples, the authors contrasts three translations by three different translators with the original work, as well as provide analyses of and evaluation on the transformation of Rodion Raskolnikov’s thoughts. Thence, they drew conclusions on the translators’ contributions as well as difficulties encountered during translation process.

Keywords: *F.M. Dostoevsky, Crime and Punishment, thoughts, hero-thoughts, equivalence, translation, cultural interference, religion.*

“ИДЕЯ РАСКОЛЬНИКОВА” В ПЕРЕВОДЕ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

В статье впервые представлен анализ трех существующих во Вьетнаме переводов идеи

Раскольникова. Мы детально проанализировали переводы романа, выполненные Чыонг Динь Кы (1972), Ли Куок Шинь (1973), Као Суан Хао (1982-1983), с последующим обратным переводом и аналитическим комментарием. В романе идея Раскольникова наиболее ярко представлена в следующих главах: гл.6,

^{*} GS.TSKH., Đại học Tổng hợp Quốc gia Ivanovo, Liên bang Nga

Email: ermilova-galina@mail.ru

^{**} ThS., Đại học Tổng hợp Quốc gia Ivanovo, Liên bang Nga

Email: nguyenthihoan19111989@gmail.com

ч.1 (разговор студента и офицера, свидетелем которого случайно стал Раскольников), гл.5, ч.3 (обсуждение статьи Раскольникова), гл.4, ч.4 (первый приход Раскольникова к Соне), гл.4, ч.5 (второй приход Раскольникова к Соне). И, конечно же, эпилог романа.

В статье мы остановились лишь на гл.6, ч.1 и на гл.5, ч.3. В целях экономии места за скобками остались чрезвычайно важные для нашей темы исповедально-проповеднические разговоры Раскольникова с Соней, где он единственный раз обнажил свою душу и сердце. Но это предмет особого разговора.

Нам важно остановиться специально на переводе именно идеи Раскольникова, т.к. во Вьетнаме все еще жива мысль Д.И. Писарева о том, что причина преступления Раскольникова не в голове, а «в кармане», в его удручающей бедности. Социологический подход в осмыслении причин преступления Раскольникова все еще преобладает.

М.М. Бахтин назвал главного героя «Преступления и наказания» героем-идеологом. По его мнению, новаторство Достоевского заключалось в том, что он изображал не идею, а ее носителя: «Не идея сама по себе является «героиней произведений Достоевского» $\leq \dots \geq$, а человек и идея» [1, 97]. И еще: «Всем героям Достоевского дано «горная

мудрствовать и горных искати», в каждом из них «мысль великая и неразрешенная», всем им прежде всего «надобно мысль разрешить». И в этом-то разрешении мысли (идеи) вся их подлинная жизнь и собственная незавершенность. Если отмыслить от них идею, в которой они живут, то их образ будет полностью разрушен. Другими словами, образ героя неразрывно связан с образом идеи и неотделим от него. Мы в и д и м героя в идее и через идею. А идею мы в и д и м в нем и через него» [1, 98-99]. Нигде в романе мы не ищем изложения идеи Раскольникова в монологической форме. Она рождается, живет и раскрывается только в непрерывном диалоге с другими героями и с самим собой.

Впервые идея Раскольникова звучит в изложении безымянного студента, свидетелем разговора которого с офицером он случайно стал. По его признанию, этот разговор «имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела», именно в этот момент в его голове зародились *«такие же точно мысли»* [2, 55]. «Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, всё это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли,

когда в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли?* И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...» [Там же].

В оригинале Достоевский три раза использует слово «*именно*» («*именно теперь*», «*именно сейчас*», «*именно такой разговор и такие мысли*»), чтобы акцентировать внимание на одномоментности происходящих событий: появление зародыша странной мысли в голове Раскольникова и изложение тех же мыслей студентом. В переводе автора Чьонг Динь Кы замена слова «*именно теперь*» (т. е. именно сейчас, когда студент только что изложил свою идею) словом «*именно сегодня*» (т.е. в любой момент сегодняшнего дня) снижает напряженность происходящего на наших глазах внутреннего диалога Раскольникова со своим теоретическим единомышленником. Отметим, что все три переводчика не обратили внимания на неслучайное повторение слова «*именно*».

Кроме того, в переводах авторов Чьонг Динь Кы и Ли Куок Шинь

важное словосочетание «*при дальнейшем развитии дела*» не переводится точно. Мысли студента, которые Раскольников случайно услышал в трактире именно в то время, когда странная мысль только что появилась в его голове, оказали сильное влияние на его решение “переступить закон” в будущем, а не только «*trong suốt thời gian sự việc xảy ra*» (в течение времени, когда произошло дело — Чьонг Динь Кы) и «*trong suốt vụ này*» (в течении этого дела — Ли Куок Шинь). Логика этой странной мысли требовала преступления, ведущего от злодейства единичного — убийства вредной старухи — к убийству её сестры, кроткой Лизаветы.

Студент предлагает убить «*проклятую старуху*» «*без всякого зазору совести*» и на ее деньги спасти от нищеты и разложения десятки семейств: «Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: ≤...≥ не загладится ли одно, **крошечное преступленье** (выделено мной. — Н.Т.Х.) тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит,

потому что старушонка вредна» [2, 54]. Идеи устранения социальной несправедливости посредством насилия давно «витали в воздухе», Раскольников прав, утверждая, что подобные «молодые разговоры и мысли» не стали для него новостью.

Здесь «без всякого зазору совести» значит «без всякого угрызения совести», которое переводится автором Чьонг Динь Кы «*chẳng có gì thối mắc cả*» (никакого сомнения нет) и Ли Куок Шинь «*chẳng mảy mảy hối hận*» (без всякого раскаяния). Переводчики не передают умысел Раскольникова, скрытый в неслучайно повторенном не раз слове «совесть». Заметим, что все три переводчика допустили немалую погрешность, заключающуюся в том, что частица «бы» в предложении оригинала «Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил» пропущена. Именно из-за невнимания авторов гипотеза, существующая только в голове студента, в переводах становится его реалистическим желанием. На самом деле, отвечая на вопрос офицера: «“Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты *сам* старуху или нет?”», — он утвердительно ответил: «Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...”» [2, 55]. А дело-то, по мнению автора «Преступления и наказания», именно в человеке, не случайно в тексте курсивом акцентировано слово

«*сам*». Раскольников озлоблен на весь белый свет: в последний приход в Соне он признался в том, что он самолюбив, завистлив, зол, мерзок. Придя в первый раз к старухе-процентщице, еще ничего не зная о ней, он «почувствовал к ней непреодолимое отвращение». А для студента Алена Ивановна и «славная» и «стерва ужасная» [2, 53]. Идея студента головная (отсюда убийство с высокой целью для него уже не преступление, но все еще преступленье), Раскольников же в сердце своем решил, что замыслимое и осуществленное им «предприятие» не есть преступление.

Отметим, в переводах слово «*преступленье*» переведено то как «*tội giết người*» (преступление убийства — Чьонг Динь Кы), то как «*trọng tội*» (серьезное преступление — Ли Куок Шинь), то как «*tội ác*» (преступление — Као Суан Хао). Получается абсурдная ситуация: «серьезное преступление» не может быть «крошечным». Переводчики не уловили глубинный идеологический и личностный характер происходящего. Мы предлагаем перевести это слово как «*sự mắc tội nhỏ*» (преступленье).

В переводе Ли Куок Шинь повелительное предложение «Убей ее и возьми ее деньги» заменяется условным предложением, уменьшающим решительность в словах студента о необходимости «убийства» старухи.

Услышав слова студента, «Раскольников вздрогнул». В переводе Ли Куок Шинь глагол «вздрогнул» передается глаголом «*gùng mình*», обозначающим во вьетнамском словаре резкие судорожные движения от испуга или от холода. На наш взгляд, Раскольников сделал резкое судорожное движение от совпадения идеи студента с его собственными мыслями. Во вьетнамском и русском языках есть фразеологизм «*số tật giật mình*»/ «На воре шапка горит». Думается, фразеологизм здесь будет уместнее. Именно это и сделано в переводах Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао.

Суть идеи, изложенной Раскольниковым в разговоре с Пофирием Петровичем, состоит в том, что «люди, по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*» [2, 200].

К идее Раскольникова привели размышления над всей историей человечества и наблюдения над социальным устройством и нравственными нормами окружающего его общества, законы которого он считает вечными и неизменными.

Уже из статьи следует, что, разделив всех людей на «два разряда»,

Раскольников относит себя, конечно, к «*высшему разряду*», который может и должен «*переступить законы*» ради идеи «спасительной для человечества».

В словаре русского языка, «*природа*» — окружающая людей совокупность естественных условий на земле (поверхность, растительность, климат), не созданных деятельностью человека. Кроме прямого значения, это слово еще имеет переносное значение, обозначающее сущность, прирожденное свойство, натуру, характер кого/ чего-либо [3]. А во вьетнамском языке «*thiên nhiên*» (*природа/ окружающая среда*) имеет единственное значение, представляющее собой объективное явление, которое существует вне и независимо от сознания человека. Иными словами, это всё, что людей окружает, за исключением вещей, созданных человеческими руками. Здесь Раскольников, излагая свою идею, хотел подчеркнуть естественное свойство людей, а не «*trật tự của thiên nhiên*» (порядок окружающей среды) по прямому значению, как в переводе Ли Куок Шинь.

Мы считаем слова «*tạo hoá*» (*творец мира*) в переводах Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао ближе к оригиналу, потому что согласно идеализму во Вьетнаме слово «*tạo hoá*» (*творец мира*) — верховное существо, создавшее мир (вселенную), управляющее им, покровительствующее всем. Во

вьетнамском языке при обозначении врождённого свойства употребляются же слова «*do tạo hoá/ do trời sinh*» (по закону творца мира/ по богу – т.е. по тому, что порождено Богом) или «*tự nhiên*» (по естеству/ естественно), синонимичные слову «природный».

Очевидно, что многозначность русских слов вызывает трудность у переводчиков. Отметим, что Ли Куок Шинь постоянно делает семантическую ошибку при передаче слова «природа».

Другая неудача в использовании слов в том же переводе заключается в том, что вместо словосочетания «*собственно на людей*», «*имеющих дар или талант, сказать в среде своей новое слово*» переводчик употребляет сочетание «*những con người chân thực*» (искренние/ честные люди). По точному смыслу — это люди, не способные «перешагнуть через кровь по совести». Момент революционизации идеи Раскольникова здесь достаточно прозречен.

В этом же переводе автор употребляет слово «*cảnh giới*» (пределы) вместо «среда». В этом случае замена автора кажется удачной. Во вьетнамском языке «*cảnh giới*» (пределы) - многозначное древнекитайско-вьетнамское слово, обозначающее грань, место и обстоятельство, которое в настоящее время звучит только в речи Буддизма. По нашему наблюдению, два автора

Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь часто используют устаревшие китайско-вьетнамские слова.

Раскольников выводит, что: «все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди, $\leq \dots \geq$ должны, по природе своей, быть непременно преступниками» [2, 200].

Здесь «чуть-чуть из колеи выходящие люди» — люди, способные мыслить более или менее оригинально (выделено мной. — Н.Т.Х.). Мы считаем, что в этом случае перевод «*bất kỳ kẻ nào hơi đứng ra ngoài những thành kiến, không thích thủ cựu*» (немного стоящий вне предрассудков, всякий, которому не нравится рутин) Чыонг Динь Кы ближе к оригиналу, чем перевод «*tất cả những người nào chỉ vươn cao lên bên trên mức thông thường của nhân loại*» (все только поднимающиеся выше нормального уровня человечества люди) Ли Куок Шинь или «*những người chỉ vượt lên trên mức bình thường một tí*» (чуть-чуть поднимающиеся выше нормального уровня люди) Као Суан Хао. На наш взгляд, замена слова «преступник» в переводе Ли Куок Шинь на «*kẻ phạm pháp*» (правонарушитель) неудачна.

Переходим к анализу предложения: «в следующих поколениях эта же масса ставит казнённых на пьедестал и им поклоняется (более и менее)» [2, 200].

Остановимся на понимании словосочетания «*hương khói*» (поклоняться) в переводе Као Суан Хао.

Во вьетнамском словаре в словосочетание «*huong khói*» (поклоняться) входят слово «*huong*» (аромат) и «*khói*» (дым), исходящие из действия «зажигать ароматические палочки для поклонения предкам». Культа предков и умерших является очень важным верованием в жизни вьетнамцев, создающий вьетнамский культурный колорит. Большинство семей во Вьетнаме имеет алтарь/жертвенник, на который ставят чаши для золы для того, чтобы поставить в них зажженные ароматические палочки. Обычай «зажигать ароматические палочки» — важный буддистский обряд, напоминающий сжигание ладана при богослужении в православной Церкви. Здесь Као Суан Хао продолжает привносить реалии самой распространенной во Вьетнаме религии на русскую религиозную почву, при этом почти интуитивно нащупывает точки соприкосновения в обрядах поминовения усопших как в православии, так и традиционной вьетнамской религии.

В диалоге Порфирия Петровича и Раскольникова упоминается Новый Иерусалим, в который Раскольников, по его словам, твердо верует. Образ этот восходит к Апокалипсису, к одной из наиболее почитаемых Достоевским книг Нового Завета. В философско-культурном контексте XIX века *Новый Иерусалим* — широкий символ осуществления всех надежд, имеющий как чисто мистическое, так и религиозно-утопическое толкование. Так,

по учению сен-симонистов, идеями которых молодой Достоевский увлекался, вера в *Новый Иерусалим* означала веру в наступление нового земного рая — «золотого века».

Раскольников говорит о конце и итоге всемирной истории но, по всей вероятности, и о возможности «земного рая».

Чьонг Динь Кы перевел «*Новый Иерусалим*» как древнейший город государства Израиль, крупнейший религиозный центр трех монотеистических религий. Во вьетнамском языке «*thành*» [тхань] — сокращение слова «*thành phố*» (*город*). Мы считаем замену словосочетания «*Новый Иерусалим*» на словосочетание «*перестройка города Иерусалима*» в этом переводе неудачной, ибо таким образом устраняется мистический смысл образа. В переводах Ли Куок Шинь и Као Суан Хао сохраняется двоякий смысл сочетания «*Новый Иерусалим*», что более точно соответствует оригиналу.

Обнимая мыслью в своей теории всю всемирную человеческую историю, Раскольников приходит к выводу, что всегда и везде основной формой и законом исторического прогресса было преступление. От идеи Раскольникова Разумихин ужаснулся. Он вскричал: «— Ну, брат, если действительно это серьезно, то... Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на всё, что мы тысячу раз читали и

слышали; но что действительно оригинально во всём этом,— и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, — это то, что всё-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное...» [2, 202-203]. Это одно из ключевых мест романа. Впервые речь зашла об оригинальности идеи, только Раскольникову принадлежащей. Выделенные курсивом слова направляют читательское восприятие в нужном автору русле.

Рассмотрим передачу слова «ужас» в переводах Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь. Оно заменяется то словом «hoi sợ» (немножко пугать), то «buồn» (грустить). Хотя глагол «пугать» и существительное «ужас» синонимичные по значению, но между ними есть разница по выразительному нюансу. «Пугать» — внушать кому-л. чувство страха, «ужас» же есть чрезвычайное состояние очень сильного страха, т.е. высшая его степень. Совсем неудачна замена слова «ужас» глаголом «buồn» (грустить) в переводе Ли Куок Шинь. В этих переводах уменьшено состояние чрезмерного ужаса, в котором Разумихин находится от идеи Раскольникова, «разрешающего кровь

по совести». По мнению Разумихина, Раскольников посягнул своей идеей не только на человеческую, но и на Божескую правду.

Совсем не удачна в переводе Чыонг Динь Кы замена сочетания «кровь по совести» словосочетанием «máu đổ với ý thức rõ ràng» (кровь с ясным сознанием). В болезненном сознании героя не случайно соседствуют друг с другом Наполеон и Мессия (Христос). Раскольников впадает в грех самообожествления. Он полагает, что законодателем нравственности является не Бог, а человек. «Совесть в идее героя поставлена в прямую зависимость от исполнения «необыкновенными» их «метафизического долга»: верность этому долгу как раз и становится их внутренним нравственным критерием и обуславливает — даже в преступлении — их согласие с собственной совестью» [6, 248].

Нами было отмечено, что в переводах Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао авторский курсив сохранен. В переводе Ли Куок Шинь словосочетание «по совести» вовсе выпущено.

Подведем итоги.

Передача идеи Раскольникова — героя-идеолога, по мнению М.М. Бахтина,— с русского языка на вьетнамский оказывается не простой задачей для переводчиков. Наблюдения над переводами показывают: 1) все переводчики сохранили оригинальный

текст в полном объеме; 2) метафизический, богоборческий смысл идеи Раскольникова передан чрезвычайно поверхностно. По всей видимости, авторы переводов не придают должного значения идее Раскольникова как одной из главных побудительных причин совершенного им преступления. Все-таки социологический подход в интерпретации романа Достоевского преобладает, Раскольников предстает бунтарем за угнетенного человека; 3) реалии религиозно-культурной жизни русского человека середины 19 века часто заменяются реалиями буддистского культа, что привносит в роман не свойственный ему «восточный» религиозный колорит.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 361 с.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: "Наука". 1972-1990. Т.6. Л. "Наука", 1973. В дальнейшем ссылки даются на этот том с указанием страницы. Т. 6. 423с.
3. Евгеньева А. П. Малый академический словарь // Словарь русского языка: В 4-х т.// РАН, Ин-т лингвистич. исследований. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Электронная версия: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (20.11.2019)
4. Као Суан Хао. Перевод романа "Преступление и наказание": в 2 т. Ханой: Издательство "Литература", 1982. Т.1. 464 с.
5. Ли Куок Шинь. Перевод романа "Преступление и наказание". Шайгон: Издательство "Нгуон Шанг", 1973. 819 с.
6. Тихомиров Б. "Лазарь! Гряди вон": Роман Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание" в современном прочтении. Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
7. Чыонг Динь Кы. Перевод романа "Преступление и наказание": в 2 т. Шайгон: Издательство "Хай Чи", 1972. 1173 с.